

**VIRGINIE
GRIMALDI**

ВИРЖИНИ ГРИМАЛЬДИ

АРОМАТ СЧАСТЬЯ

СИЛЬНЕЕ
в дождь

Москва
2019

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Г84

Virginie Grimaldi

LE PARFUM DU BONHEUR
EST PLUS FORT SOUS LA PLUIE

Copyright © LIBRAIRIE ARTHEME FAYARD, 2017

Перевод с французского *Нины Жуковой*

Художественное оформление *Анастасии Ивановой*

Гримальди, Виржини.

Г84 Аромат счастья сильнее в дождь / Виржини Гримальди ; [пер. с фр. Н. Жуковой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-102944-9

Я больше не люблю тебя. Пять коротких слов пулеметной очередью разбили вдребезги мир Полины. Перепробовав все возможные способы вернуть супруга, она решает на последний. Каждый день на протяжении месяца она будет отправлять ему письмо с одним из счастливых воспоминаний их совместного прошлого. Но погружение в историю может воскресить не только радостные события.

Калейдоскопом старых фотографий проходит перед нами история страшной потери и огромной любви. История, которую Виржини Гримальди рассказывает с неповторимой душевной интонацией.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Жукова Н., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-102944-9

**Моему мужу
Моим сыновьям**

Никогда не узнаешь, насколько ты силен, пока у тебя не останется иного выбора, кроме как быть сильным.

Боб Марли¹

¹ Боб Марли (1945–1981) — ямайский музыкант, вокалист и композитор. — *Здесь и далее примеч. пер.*

• Пролог •

20 часов 40 минут

Бен, как всегда, запаздывал. На свое первое свидание и даже на бракосочетание он тоже не успел вовремя. Уверена, что он умудрится опоздать и на собственные похороны.

— Не желаете пока что-нибудь выпить, госпожа?

Официант в третий раз нарушил мое беспокойное ожидание. Не хотелось начинать без Бена, но куда хуже показаться даром занимающей столик клиенткой, которая ничего не заказывает. И я попросила принести апельсинового сока.

— Когда придет муж, мы, пожалуй, выпили бы «Дом Периньон»¹.

Официант кивнул и направился к стойке. Не знаю, что меня заставило — гордость или стыд — заказать шампанское, чтобы оплатить его терпение.

21 час 00 минут

Шампанского я не люблю. Я вообще не люблю спиртного, как и всего, из-за чего теряю над собой контроль. Но тем вечером я решила сделать исключение. Не каж-

¹ Марка шампанского премиум-класса.

дый день доводится праздновать десятилетие семейной жизни!

Уже в сотый раз я взглянула на экран телефона. Со связью было все в порядке. Ни одного сообщения. Нет, он не мог больше тянуть. Час опоздания — его обычная норма — близился к концу.

Правда, в прошлом году он как-то явился в девять вместо половины восьмого. Напрасный труд назначать ему встречу часом раньше, чем предполагаешь увидеться, он всегда останется верным себе.

Со мной — все наоборот, обычно я всюду прихожу первой. Стараюсь выдумывать разные невероятные случайности, которые могут мне помешать, только бы никого не подвести. Сознание, что меня кому-то придется ждать, вызывает у меня панический ужас.

Волей-неволей мы уравновешиваем друг друга: моя спешка и его привычка опаздывать в сумме приводят к тому, что вместе мы всегда бываем вовремя.

21 час 15 минут

Мы приходили сюда уже столько лет.

Большинство клиентов считали его просто хорошим рестораном с панорамным видом на Аркашонский залив¹. Для меня и Бена это был «наш ресторан».

Одиннадцать лет назад здесь он «почти» сделал мне предложение, сняв все деньги со счета, чтобы угостить меня морепродуктами и вручить позолоченное кольцо с большим цирконием вместо бриллианта. После первых четырех лет совместной жизни мы точно уверились в од-

¹ Аркашонский залив (Басен д'Аркашон) — приливная лагуна на территории природной области Гасконских Ландов, во французском департаменте Жиронда региона Аквитания.

ном — морщинки и воспоминания нам предстояло наживать вместе.

Официант как-то странно на меня посматривал, и я уже готовилась спросить, не впился ли мне в волосы краб, пока не поняла причины: с моего лица больше часа не сходила идиотская улыбка. Я ждала кого-то, кто все никак не появлялся, и вид у меня был словно у помешанной. Этот тип наверняка принимал меня за кого-нибудь вроде Бернадетты Субиру¹.

21 час 30 минут

Я очень надеялась, что настроение Бена окажется лучше, чем в эти последние дни. Этим вечером мы обязательно должны были встретиться только вдвоем — он и я, вне привычной круговерти повседневности.

Все последние недели я считала дни до празднования, ведь наша годовщина обязана была стать единственным, незабываемым и самым лучшим вечером года. Мы будем сидеть рука в руке (поедание раков приобретет символический смысл), вспоминая забавные случаи из нашей жизни, которые с каждым годом становились все смешнее, будем рассыпаться в признаниях, способных посрамить Ромео, обмениваться пылкими взглядами, строить планы на чудесное будущее, а потом уйдем с любовными батарейками, заряженными до предела.

Для нашего десятилетия я придумала волнующее продолжение. Мы поднимемся по лестнице отеля в номер двести одиннадцать. Под платье я надела чудесное кружевное белье красного цвета, его любимое. Он будет в восторге. Возможно, и я тоже.

¹ Бернадетта Субиру (1844–1879) — католическая святая, которой, по ее уверениям, являлась Дева Мария.

22 часа 00 минут

Я допила бокал. Потом второй. Позвонила Бену, но он не ответил. Написала два сообщения, спрашивая, где он? Уж не забыл ли он случайно? Ответа не последовало.

Всеми силами я пыталась обуздать тревогу, ведь он так осторожен за рулем, к тому же вечно торопится из-за привычки опаздывать. Я-то за рулем, наоборот, всегда начеку. И в этом отношении мы прекрасно дополняли друг друга.

Официант теперь смотрел на меня с откровенным недоумением. Я произнесла:

— Он обязательно придет, не беспокойтесь.

Не уверена, что именно его я пыталась уберечь от беспокойства.

22 часа 30 минут

Ресторан вскоре должен был закрыться, но я не теряла надежды. Бен не сможет не прийти. Допускаю, что в последние дни его заботила масса других вещей, но ничто не оправдывает его отсутствия в этот вечер. В интересах Бена было заpastись надежным объяснением и довести его до моего сведения, по меньшей мере, с больничной койки.

Да нет, он наверняка уже в дороге. С минуты на минуту могла открыться дверь... Нет, он не мог со мной так поступить. Не мог *с нами* так поступить. Не прийти на свидание в день десятилетия нашей свадьбы стало бы слишком знаковым — в отрицательном смысле — событием. Он обязательно должен прийти. У него еще оставались тридцать минут.

Двадцать

Пятнадцать

Десять

Восемь

22 часа 52 минуты

Дверь открылась, и я поймала улыбку официанта. Ну, конечно, я так и знала!

Серые брюки. Белая рубашка. Черные ботинки. Я мгновенно узнала приближавшегося ко мне человека. Он не был Беном.

— Не сомневался, что найду тебя здесь. Пошли, мы возвращаемся.

Я упрямо затрясла головой. Оставалось восемь минут, он еще мог прийти.

— Ну, пойдём же, Полина, мама волнуется.

— Подожди, папа, он придет. Я уверена.

Отец отодвинул стул и сел напротив. Положив руку мне на плечо, он сжал его, словно хотел вернуть меня к реальности.

— Ты же знаешь, доченька, его не будет. Зачем делаешь себе больно, надеясь впустую? Он тебя бросил три месяца назад. Вставай, мы возвращаемся.

· Глава 1 ·

Спустя месяц

Труднее всего было, когда я просыпалась. Пережить эти несколько секунд — причем число их варьировалось, — пока мозг еще не сформировал отчетливого представления о моей теперешней жизни. А потом я натякалась на страшную реальность.

Самыми тяжелыми казались эти утренние часы после мучительных ночей, когда я видела во сне, будто Бен по-прежнему рядом. Открыв глаза, я вместо белых штор, фотографии Корсики и его тела в нескольких сантиметрах от моего видела перед собой розовую стену, плакат фильма «Титаник» и себя, лежавшую в одиночестве на одноместной кровати. И уж не знаю, что было страшнее: потеря мужа, распад нашей семьи или мое возвращение в собственную подростковую комнату в тридцатипятилетнем возрасте.

Говорят, время лечит. Со мной все происходило наоборот. Я не сразу начала испытывать боль по-настоящему. Вначале я не сомневалась: Бен обязательно вернется. Произошла нелепая ошибка. Разумеется, он вовсе не думал того, о чем говорил, скоро он это поймет, и мы посмеемся оба, а он еще больше, чем я.

Потом нахлынул гнев. Значит, ты решил поиграть со мной? Думаешь, ты мне так уж нужен? Смотри, дорогой, смотри, как я прекрасно без тебя обхожусь, я продолжаю жить, будто ничего не изменилось! Я так упорно внушала себе это, что в конце концов почти поверила: жить без него неправдоподобно легко, а те, кто не смог оправиться от несчастной любви, просто слабаки. Нет, не мужчина сделает мою жизнь несчастной!

Эта кажущаяся стойкость стала разрушаться постепенно, мелкими штришками. То внезапное желание не вставать утром с постели, то необъяснимое раздражение, слезы без причины, панические атаки... Мало-помалу мое тело наливалось пустотой. Радость из жизни ушла, желания улетучились, надежда сделала ручкой. Я жила, потому что нужно было жить, вернее, существовать, продолжать свое существование на автопилоте. Под оболочкой, которая всем казалась живой, скрывалось нечто угасшее, лишенное витальной энергии.

Знакомые подбадривали меня, хвалили, что я не пошла ко дну во время шторма, а выплыла на поверхность. Меня считали мужественной. Но на самом деле это было не так. И если я барахталась, выплывая, то лишь от страха. Потому что знала: стоит остановиться, и я немедленно окажусь на дне.

И все же в эти нескончаемо долгие дни случались моменты, когда мое сердце переполнялось счастьем. Точно в половине восьмого, когда отец еще спал, а мама принимала душ, я тихонько приоткрывала дверь в комнату, когда-то принадлежавшую моей сестре. В этой комнате, погруженной во мрак, я угадывала легкое посапывание, исходившее от детской кроватки. На ощупь, в темноте, я пробиралась к маленькому горячему тельцу, укрытому одеялом. Я принималась ласкать нежные щечки, волосы,

прислушивалась к дыханию, которое постепенно учащалось, к сонному постаныванию, а потом вдруг раздавался тоненький голосок, пронзавший мое сердце нежностью: «Доброе утро, мамочка!»

Руки его обвивали мне шею, детские губки запечатлевали на моей щеке звучный и влажный поцелуй. Я зарывалась носом в его мягкую шейку, еще с младенческим запахом, жадно его вдыхая. Вот теперь запроваден полный бак. Я была готова встретить новый день.

· Глава 2 ·

Мы вместе приходили в кухню, где мама уже пила кофе, листая журнал. Поласкав Мину, их боксера, Жюль взбирался на колени бабушки, поглядывая на приготовленную для него тартинку с маслом.

— Привет, дружок, как спалось?

— Смотри, бабуля, какая у меня футболка — с Человеком-Пауком!

Я хмуро здоровалась, и мама одаривала меня улыбкой.

— Тост будешь?

Каждое утро повторялось одно и то же. Мама знала, что аппетита у меня нет, что я лишь вталкиваю в себя необходимый минимум, чтобы не заболеть, но она также знала, что ей не откажут, поскольку мне известно, что эти усилия ей слишком дорого стоят.

Завтрак, приготовленный мамой! Если мне не изменяет память, такого не было с 1980 года. Уверена, что до нашего переезда к ним она и понятия не имела, где у них находятся чашки и ложки. На протяжении четырех месяцев я видела, как она занималась делами, на которые я считала ее абсолютно неспособной, с единственной целью облегчить мне жизнь, то есть дать мне возможность

вновь обрести к ней вкус. Еще до нашего появления в кухне мама успевала застелить нам постели, убрать вещи в шкаф, приготовить целых два блюда (макароны и пиццу) и погладить футболку Жюля. Каждое утро она намазывала маслом тартинки и варила кофе. Как-то я даже застала ее в саду, когда она ждала нас к завтраку, за удивительным занятием: она делала вид, что подрезает розовый куст, — это она-то, способная засушить растение одним взглядом! Отношения у нас с мамой всегда были сложными, но не до такой же степени, чтобы я могла спокойно игнорировать ее старания.

Я покорно кивнула. Удовлетворенная, мама принялась нарезать хлеб, но в это время в кухню вошел отец, как всегда, в коричневом халате, которым он владел — по меньшей мере — с моего появления на свет.

— Позволь, дорогая, я сам нарежу.

Уж что-что, а уступать роль доброй феи отец никому не собирался. В их квартире такая фея — именно он. Подмести, приправить салат, покрасить ставни, достать чистые тарелки из посудомоечной машины — его страсть. С тех пор как отец вышел на пенсию, он полностью посвятил себя домашнему хозяйству и не желал уступать пальму первенства жалкой дебютантке в лице супруги. Тем, кто удивлялся такому положению вещей, мама объясняла, что она приносит себя в жертву, чтобы доставить удовольствие мужу, обожавшему заниматься домом, на что тот всегда возражал, говоря, что ему просто не оставили выбора. На самом же деле нужды одного прекрасно сочетались с изъятиями другого, — и наоборот, как две идеально совместимые детали «Лего».

Мне казалось, что с Беном я тоже нашла свой дополнительный кирпичик.

Но по нам прошелся тридцативосьмитонный грузовик и раздавил все к черту.